

От автора

Просматривая ретроспективно время нашего расставания с умирающим мужем, а затем - прощание с умершим в течение двух незабываемых ночей, вижу теперь все в новом свете - в мистической глубине. Как если бы плоская картина моря вдруг «ожила», обретя объемность, движение, цвет и шум волн – так отличается наше привычное «заземленное» восприятие всего происходящего в этом мире от восприятия тех же событий мистически озаренным сознанием.

Все события в жизни человека, от повседневных до исторических, имеют свое духовное звучание, сокровенный смысл которых чаще всего не воспринимается нашим «зашумленным» сознанием. Но в жизни мистически чуткого человека бывает так, что в экстремальной ситуации вдруг прорвется из Запредельности готовое знание-ведение, не подвластное логике, не требующее никаких объяснений, но достоверное, как сама истина.

Так, мать фронтовика где-то в далекой Сибири мгновенно просыпалась, разбуженная внезапным прозрением, что в эту секунду погиб ее сын. Потом приходила «похоронка».

В южных ночах есть особое мистическое очарование, воспринимаемое в любом возрасте, от раннего детства и на протяжении всей жизни человека.

По густо-темному своду небес вечные созвездия и мириады рассыпанных звезд чинно совершают свое торжественное шествие по извечно назначенному им пути и в сокровенной тишине льют на Землю свой таинственный свет. А Земля... несмолкаемыми голосами цикад посылает в Небо свой тоскующий зов, словно наказанная Творцом за какое-то преступление, давность которого тонет в глубине тысячелетий, и молит освободить ее от гнета времени.

Нам стоит только прислушаться к ритмам Мироздания, чтобы ощутить живую связь Земли и Неба, Времени и Вечности, Души и Бога.

В предлагаемой читателю повести на фоне пережитых автором событий затронуты извечные вопросы всех поколений людей: о жизни временной и жизни вечной, о страдании телесном и очищении духовном, о кратковременном горе – и нескончаемой радости, а также о тайне настоящей любви, преодолевающей границы миров и соединяющей оставшихся на земле с перешедшими в Небесное Отечество.

Посвящается памяти моего незабвенного мужа,

человека озаренной души, выдающегося ученого –

Судакова Ростислава Сергеевича

Любовь также неразрывно сочетает людей,

как нераздельно были соединены оба естества Господа.

Преп. Максим Исповедник

Любовь соединяет Время и Вечность.

Г. Бальтазар

Я стою у границы двух Миров: Временного и Вечного, Земного и Небесного – у твоего белого гроба. Ненасытная суэта быстротекущего времени вдруг заглохла и канула в небытие перед величием происходящего. Время застыло... В нашей большой комнате мы одни. И над нами Бог... Ночь. Горящие свечи, как стражи у гроба.

И Тишина... Непроницаемая, исполненная сокровенного содержания. Она стала надежным укрытием, спрятав нас от внешнего мира. В недрах тишины читается Псалтырь и совершается молитва:

«Покой, Господи, душу усопшего раба Твоего Ростислава...

И елика в житии сем яко человек согреши...

Ты же яко Человеколюбец Бог,

Прости его и помилуй...

Вечная мука избави...

Небесному Царствию причастника учини...

И душам нашим полезная сотвори...»

В этой таинственной Тишине встречаются наши мысли и чувства, ведут запредельную беседу, и я обретаю в ней новое духовное ведение .

Всматриваюсь в дорогое лицо: красивый лоб ученого, правильный прямой нос, благородный овал лица, бородка, завершающая овал, и источники доброты и любви – уже закрытые глаза, еще вчера излучавшие небесную голубизну.

Но что-то изменилось в этом лице! Понимаю: после долгих изнурительных болей на него снизошел благодатный покой, лег отсвет неземной Красоты и тихой потусторонней радости, а легкая мягкая улыбка утешает: «Не страдай, не плачь, я жив. У Бога все живы». Слезы сами сбегают по щекам от радости внутреннего осознания нерасторжимой близости наших душ.

- Слава! Я люблю тебя! Не забывай меня. Ты слышишь?

И вижу - затрепетали твои ресницы...

- Радость моя, ты слышишь меня и отвечаешь!

У Бога все возможно... и приоткрыть завесу, разделяющую Миры.

Эти две чудесные ночи, дарованные нам Богом, станут звездными вехами нашей судьбы. Они даны для того, чтобы мы заново прочитали уходящую в прошлое нашу жизнь в ее сокровенной сущности.

Два года мы знали о твоём диагнозе. И даже после трёх операций не предавались унынию. Ты держался бодро, жизнерадостно, в добром расположении духа. И самозабвенно любил свою жену – «единственную и неповторимую», «талантливую» и т.д., и ... «спортсменку, наконец» - отшучивался. Эта любовь для меня была неразрешимой загадкой, и я не пыталась ее разгадывать. Моя милая помощница Гуля за два месяца до твоего исхода открыла мне глаза. Она рассказала мне красивую восточную легенду о Лейли и Меджнуне. Прекрасный юноша Меджнун полюбил дочь шаха Лейли, ответившую ему такой же горячей любовью. Но Лейли была недостижима для него. И, оставив мир, он обрек себя на скитальческую нищенскую жизнь, чтобы ничто не мешало ему воспевать прекрасную Лейли. Владыка соседней земли, прослышав о воспетой красавице, возжелал лично увидеть ее. Совершив долгое путешествие с караваном через пустыню, он, наконец, был принят шахом. И увидел Лейли...

- Среди моих служанок можно увидеть таких же красавиц, - сказал он своему визирю, на что тот ответил.

- Это потому, что ты смотрел на Лейли своими глазами, а не глазами Меджнуна.

Так мне открылась тайна твоей любви – одаренность таланом Меджнуна. Известно, любовь – талант любящего... Неблагодарная, я привыкла к твоей необыкновенной любви, как люди привыкают дышать, не замечая воздуха. Сейчас я задохнулась бы без этого «воздуха». Но произошло чудо: ты не оставил меня и продолжаешь излучать свою живую любовь, ею я дышу и живу.

Теперь я люблю тебя так, как не умела любить прежде. Прости меня. Прости!

И снова дрогнули ресницы...

Так окутанные Тишиной, мы познали еще одну тайну: любовь соединяет души на Земле и на Небесах, не зная преград. Ее живые токи пронизывают Мироздание, потому что Сам Господь есть Любовь, и Его главная заповедь именно о любви: к Богу – источнику Любви и к человеку – венцу Его творения. Только человек получил этот высший дар – любовь, как отблеск Божественной любви. Ради нее Христос добровольно взошел на Крест, чтобы открыть людям путь ко спасению - в Царство Небесное, где царит вечная Любовь. Мне грустно и хорошо у твоего белого гроба – так глубоко здесь наше общение. Две ночи пройдут и третьей уже не будет. Нас разделит земля. Но это только внешне: Земля может разделить лишь земное – тела, но не наши вечные души – личности.

Каждая личность у Бога единственная, неповторимая и вечная, наделенная свободной волей и способностью к совершенствованию. Взаимным глубоким личностным общением мы роднились духовно и нравственно, обогащались светом познания и постепенно возрастали в своем мировоззрении. Все это был нелегкий, но радостный путь восхождения к Богу. Бывали сомнения, ошибки и согрешения, но после тяжелых осложнений мы сбрасывали с себя груз накопленного в прошлом балласта и сжигали его в топке глубоких переживаний и покаяния. Все покрывалось любовью. В душах наших становилось все чище и светлее. Так мы создали свой внутренний мир, в котором было хорошо, светло и просторно. Это была уже настоящая любовь.

Мы не расстаемся с тобой, но восходим на новый духовный уровень общения: я в Дольнем, ты в Вышнем мире. И в нашей житейской суете, мне нужен совершенный духовный слух, чтобы слышать тебя из Вечности.

Прости меня за прошлые обиды, их было так много, но ты всегда был великодушным и всепрощающим. Я плачу... Прости меня! Терпением и выдержкой настоящего мужчины, снисхождением сильного к слабой ты щадил меня. Тогда я чувствовала твое покровительственное превосходство — культурного, мудрого, волевого мужчины, и вспышка моя очень скоро угасала перед тихим сиянием твоей души. А ты свою трогательную заботу объяснял просто: «Я жалею тебя».

Благодарю тебя и плачу...

И снова затрепетали ресницы...

Как подходят к тебе слова Апостола Павла — Любовь долготерпит, милосердствует, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается ... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает.

Теперь я другая, в мою душу грозovým потоком влилось сострадание с чувством покаяния, и оно останется в ней навсегда. Это та боль, которая необходима душе, без нее она была бы полупустой и неразвитой. Слезы сострадания и покаяния смягчают, смиряют и укрепляют душу, они сближают нас. Все житейские невзгоды кажутся муравьиной возней душе, упоенной слезами.

В дни мучений, когда ты восходил на свой крест без ропота, без отчаяния, без страха, без единой слезинки, когда мог забыться лишь в течение считанных минут, когда отказывался от наркотических обезболивающих средств и при этом заботился обо мне - пойдй, поспй на втором этаже, прими лекарство; когда дни и ночи слились в один болезненный ком – вот тогда я увидела твою душу во всей ее красоте и величии.

Как-то еще в начале тяжелого периода болезни, я предложила тебе – «Давай попросим Бога, чтобы Он разделил твои боли между нами», но ты в ответ возмущенно погрозил мне пальцем: «Не смей!». И оставил мне одно сострадание. Когда я со слезами просила у тебя прощение, ты уже плохо владел речью, однако, твердо произнес – «Ты у меня самая лучшая в мире!»

Господи! Ты одарил меня величайшем сокровищем – любовью, и теперь, когда я поняла, чем владела, Ты забираешь его. Но да будет воля Твоя святая! Оставь же мне вечную, не тускнеющую память о нем и надежду на нашу встречу в Твоем немеркнущем Свете. За все благодарю Тебя!

Если раньше мое сердце не могло вмещать всю полноту твоей любви, то теперь глубокое сострадание и преклонение пред твоим благородством расширило его так, что оно обрело способность принять тебя полностью с твоими муками, как мать, прижимая к сердцу свое умирающее дитя, желает вобрать в себя все его страдание.

- Славонька! Как часто и восторженно ты говорил мне о своей любви к «лучшей из женщин всех времен и народов», само имя мое заменил на «Солнышко», прими же и мое запоздалое признание у твоего гроба в моей вечной любви и великую благодарность за счастье, которым ты так щедро одаривал мою жизнь в течение почти тридцати лет и оставил о нем живую память. Этой памятью я живу и общаюсь в с тобой.

Есть только одно истинное счастье на земле —

пение человеческого сердца.

И это пение, полное предчувствия,

блаженного созерцания,

и безмолвного благодатного трепета,

есть начало нового бытия и проявление новой жизни.

Проф. И. Ильин

Я медленно погружаюсь в мир воспоминаний... Помнишь, как мы любили мчаться на «Оке», а потом на «Фольксвагене» по дорогам России. Мы проносились через поля

Курской, Орловской, Ивановской, Вологодской, Калужской, Владимирской, Нижегородской и Московской областей. Дороги бежали навстречу, машина неслась сквозь строй лесных деревьев, по зеленым раздольям полей и лугов, мимо рек и озер, через деревни и города. И где мы только ни оказывались: в монастырях, на опушках леса, на берегах рек и озер, в цветущих травах лугов. Купались в Черном море в Одессе, ели абрикосы, виноград и пили отличное виноградное вино в моих родных Парканах (Тирасполе). Над нами простиралось ликующее небо, под нами - в зеленом убранстве земля. Символически это читалось так: мы, «пришельцы» и «странники» Земли, пронеслись сквозь ее пространство и время, словно на крыльях, и невольно пелось:

Хороша Россия утром на заре,

Но еще чудеснее в лунном серебре.

Побывали мы и на твоей родине, в Сибири. Дух перехватило, когда взгляд полетел с Красноярских камней над вершинами тайги в безмерную даль – до самого могучего Енисея. Тогда я поняла, откуда в тебе эта русская необъятная ширь. Только с такой душой тебе было подстать смело, решительно и без оглядки на «общественное мнение», во имя одной любви соединить свою жизнь с сорокалетней женщиной, матерью троих детей, и всех их принять в свое любящее сердце. Для обывателя такой поступок – юродство, но масштабы, как известно, разнятся: и муравей никогда не увидит дерево во весь его рост.

Знаток и любитель классической музыки, ты так же любил и хорошее пение. Самое удивительное то, что это ты раскрыл меня в пении, словно достал из чулана запыленный инструмент, почистил его, настроил – и он ожил «природно поставленным голосом», как ты говорил. Мы оба любили русские романсы. Пели также настоящие народные русские и украинские песни, песни отечественной войны, есенинский цикл и многие другие. Как же мы пели на всех дорогах, лесам, полям, лугам... и небу! А дома - друзьям, которые любили у нас бывать. Это было настоящее наслаждение красотой и богатством чувств, заложенных в самих произведениях и в природе и эхом отдававшихся в наших сердцах. Когда мы пели дуэтом, наши голоса, то сходясь, то расходясь, создавали ощущение прекрасной близости. Мне нравилось, когда ты глуховатым голосом вел вторую партию, придавая моему сопрано красивый бархатный фон.

А когда я пела для тебя молитву на музыку церковного композитора Чеснокова (на

службах эта молитва исполняется на другую музыку).

Да исправится молитва моя,

Яко кадило пред Тобою,

Воздеяние руку мою

Жертва вечерняя,

Жертва вечерняя...

В это время ты словно погружался в лоно Красоты, затаив дыхание, и еще какое-то время оставался в ее плену, а затем восторженно выдыхал: «Жемчужина!».

Но был один романс - «Вечерний звон», который мы пели дуэтом, только я каждый раз оставляла тебя перед строками:

И сколько нет теперь в живых

Тогда веселых, молодых...

Ком подкатывался к горлу, перед мысленным взором оживал трагически погибший в автокатастрофе сын Юра – «веселый, молодой», озаренный белозубой улыбкой и голубоглазой искристостью, талантливый 28-летний врач. Как ты любил его, полностью заменив ему рано умершего отца.

А теперь и тебя уже нет в живых, Славонька-мой-Слава — тогда «веселого» и «молодого».

Верю, что там встретились ваши светлые души... А здесь земля приняла ваши тела так, что они теперь покоятся совсем рядом, почти касаясь друг друга, под высокими соснами за нашим полем.

Незадолго до твоего ухода Богдану приснился удивительный сон. Увидел он своего любимого старшего брата Юру на берегу моря. Прозрачная спокойная вода струилась и переливалась нежной бирюзой, а местность являла собой неземную красоту. Там не было солнца, но по всей линии горизонта исходило дивное сияние, озарявшее ее мягким, не слепящим светом.

- Скоро мы здесь будем вместе, - сказал он Богдану, радостно улыбаясь.

Вспоминаю еще один романс, как-то болезненно воспринимавшийся тобою. Ты очень любил его и не раз пытался раскрыться, самовыразиться в нем, снять с души какую-то тяжесть, но все попытки оставались тщетными.

О, если б мог выразить в звуке

Всю силу страданий моих,

В душе моей стихли бы муки

И ропот сомненья затих.

И я б отдохнул, дорогая,

Страдание высказав всё,

Заветному звуку внимая,

Разбилось бы сердце моё.

Сильное волнение вызвал он в твоей душе, и на последних словах «Разбилось бы сердце мое», голос срывался, подступали слезы. Ты просто страдал! Но о чем?

Не о том ли, что всё прекрасное в этом мире преходяще, как звук? И не было ли это предчувствием нашего скорого расставания?

И все же это были лучшие наши дни. Прекрасное всегда отбрасывает тень печали – это мы понимали: в нашем временном мире все конечно. Но мы стряхивали эту тень и радовались настоящему.

Даже неразлучную свою науку ты на это время оставлял, хотя при тебе всегда были наготове несколько измятых, уже исписанных формулами листов и столько же чистых. Останавливались на отдых где-нибудь в цветущей траве, на берегу реки. Пока я возилась с благоустройством нашего привала, ты уже входил в «сферу своих научных интересов». Твой взгляд становился глубоким, сосредоточенным, отрешенным от всего внешнего, словно внимательно просматривал строй своих мыслей, перестраивал их, направляя в верное русло. Я так любила это выражение твоих глаз, но легко выводила тебя из этого состояния на солнышко, на речку. Ты никогда не раздражался, задумчиво откладывал свои записи и, переключив мысли, весело говорил:

- Ну, тогда давай, Солнышко, искупаемся и перекусим.

Помнишь, во Владивостоке нам выделили яхту с капитаном и «командой» из твоих аспирантов, и мы отправились на Русский остров. Незабываемое путешествие. Летнее солнце купалось в море, простор опьянял. В кают-компании стройный, загорелый капитан угощал нас огромными крабами, каких я не видывала. Изумлялась, а он, довольный, не уставал извлекать вкусную белую мякоть и подкладывать в мою тарелку. И мы, в свою очередь, не остались в долгу. Пели до самозабвения, благо у них оказалась отличная гитара.

А помнишь: в гостях у Сурова А.А. – драматурга, есениоведа и друга писателя Фадеева. Он много рассказывал нам о Есенине, о том, что смерть его была насильственной, а не самоубийством; о Фадееве, о его трагической судьбе, связанной с «Молодой гвардией». Вспомнил годы войны, когда в только что освобожденном Львове (или в Черновцах?) в уцелевшей школе собрались наши офицеры в большом зале, где сохранился рояль. Один из них, аккомпанируя себе на рояле, пел «Гуцулку Ксеню». Этот «кадр» из военной молодости запечатлелся в памяти Сурова, но он никак не мог вспомнить слов песни. И мы спели ему «Гуцулку» от души. Тем помянули и наших отцов, погибших в этой войне. Суров с женой были растроганы. А потом с большим энтузиазмом выдали «Вдоль по улице метелица метет...», а она в это время мела по Тверской за окном квартиры. Все оживились.

Незабываемые воспоминания.

Человек — это духовное существо.

Он — гражданин Земли и Неба, Времени и Вечности.

Господи, как трудно возвращаться в настоящее! Прошли те две ночи нашего последнего свидания на Земле, вписавшего все, что мы хотели сохранить, в золотую книгу памяти. И я буду перелистывать ее страницы... вместе с тобой.

Мы часто не замечаем духовную, мистическую подоплеку, кроющуюся за внешними событиями. Этот сокровенный язык становится понятным мистически чутким душам, когда тайное начинает открываться. До этого же только неясные предчувствия тревожат душу.

Как-то особенно остро Ростислав воспринимал известную арию из украинской оперы:

Ой, не світи, місяченьку,

Не світи нікому,

Тільки світи миленькому,

Як іде до до-о-ому,

Як іде до дому.

Ария для высокого голоса, непростая. Когда мой голос, постепенно повышаясь, достигал высшей точки на словах «до до-о-му» - здесь он не выдерживал нахлынувших чувств и не скрывал слез.

Что при этом чувствовал он, тонкий ценитель прекрасного?

Не было ли здесь, кроме эстетического наслаждения, предвидения скорого ухода и расставания со всем, что было ему дорого на земле?

И еще: идея Дома. Не чувствовал ли он смутно, что его уже ждет небесный Дом? Все уже было ведомо духу его – всеведущему, обитающему в сокровенной глубине души, в ее святая святых, где он общается с Духом Святым и питается от Него Божественной благодатью.

Земной наш разум может принимать от духа ведение, но только в отраженном виде, в виде теней – предчувствий, передаваемых сердцу. Идея Небесного Дома постоянно всплывала в его сознании в символических образах. Помню, в сентябре, когда болезнь все больше предъявляла свои права, как-то утром рассказал мне свой сон:

- Вижу, что проектирую необычный дом. Все части дома совершенно легкие, светлые и прозрачные. Перебираю их руками и диктую тебе, а ты записываешь.

Слушая его, я поняла, о каком Доме говорил его сон, и ничего не сказала ему. Думаю, что он и сам понял.

Спустя три месяца, когда земля уже разделила нас, я сама увидела во сне этот Дом. Мы с Ростиславом на земле, как в какой-то глубине, сидим вдвоем на лошади, он сзади крепко держит меня за талию обеими руками, чтобы я не упала. Смотрю в небо – чистое и светлое, а в нем в невесомости плавающий Дом в виде большого светлого куба. Все стены прозрачные, сквозь них просматривается небо. Спрашиваю: «Почему нет занавесей?».

Ответа не получила...

Расшифровка образов: глубина — наш грешный мир; держит меня, чтобы не упала — молится обо мне; светлый дом в невесомости — обитель в Царствии Небесном.

Идея Дома не оставляла его в течение последнего месяца – ноября, когда наступило самое тяжелое состояние. Иногда на короткое время, он переходил на уровень «надсознания» (мистического состояния) и совершенно серьезно говорил: «Я хочу домой».

- Где мы находимся?

Отвечаю – дома.

- Нет, мы только что проехали Ханты-Мансийск.

В его сознании время трансформировалось в движение. Очевидно, у него оставалось земного времени ровно столько, сколько необходимо было поезду до его прибытия в Москву из Ханты-Мансийска.

- Когда уже подадут машину?

- Сегодня позвонил ректор: скоро будет машина.

- Одевайте меня, мне надо домой.

Его больной позвоночник словно рассыпáлся: тело не держалось ни стоя, ни сидя. Это обнаружилось внезапно. Я помогала ему походить по комнате, вдруг чувствую: тело резко оседает. Обхватив его сзади по поясу обеими руками, держу и рыдаю, а он – словно не замечает перемен. В действительности все понимал и как-то сказал мне серьезно: «Я с каждым днем все больше и больше слабею», но при этом старался не расстраивать меня и не расслабляться.

Идея Дома не оставляла его даже в крайне тяжелом состоянии. Когда меня одолевала дремота, он потихоньку сползал со своего дивана и полз к выходу. Через два метра силы его покидали, и он стонал, призывая на помощь. Я вскакивала, волоком подтягивала его измученное тело к дивану, причиняя при этом ему сильные боли. Тогда я не понимала, что он, как мог, изо всех сил добирался «домой». И такое повторялось не раз. Однажды я рассердилась и на несколько минут оставила его лежать там, куда он дополз, чтобы «проучить» его. Он стонал, а я выдерживала злосчастные 2-3 минуты. Не могу простить

себе этой жестокости.

Прости меня, мой дорогой Страдалец...

И дрогнули ресницы...

Сама идея Дома – это идея Дома Небесного, Царствия Небесного, идея Бога. Она заложена в человеческом духе, который Сам Творец вдохнул в Свое творение.

Носитель идеи Бога, Веры – сам дух. Обитающий в сокровенных глубинах нашей души, он всегда обращен к Богу. Как пламя свечи всегда устремлено вверх, так дух человеческий тянется к Духу Святому. Как тело питается земными продуктами, так дух человеческий питается благодатью от Духа Святого.

Когда жизнь человека приближается к концу или надвигается какое-то чрезвычайное событие, о чем промыслом Божиим дается знать человеку, чтобы он мог подготовиться - тогда соответствующее ведение от духа нисходит в сознание человека и выражается в «образах» в виде снов, откровений, озарений или в виде предчувствий. Все зависит от мистической способности души. Однако, не следует увлекаться разгадыванием всех снов, которые в основном насылаются темными духами, и даже, если они «сбываются» - это наваждение, от чего душа несет урон.

Люди материалистически-атеистического настроения вообще могут быть лишены мистической способности или духовного слуха, так как их дух угнетен примитивным «знанием » неверующего человека или только считающего себя верующим.

Дух Ростислава уже предвещал ему скорый переход из Дольнего мира в Высший в образе Дома. Мой сон затем подтвердил это.

Вспоминаю другой замечательный его сон – видение, которое посетило его, когда он

трудился в секретной организации и был далек, как ему казалось, от «всякой мистики». Я запомнила его рассказ: «Это было вскоре после того, как я приобрел икону Спасителя из какого-то разоренного северного монастыря, когда молодым ученым – ракетчиком ездил в командировку в Северодвинск. Тогда-то и приснился мне этот незабываемый сон – видение. Вижу перед собой белую мраморную лестницу, уходящую в небо, а на вершине ее – Бог. У меня за спиной море, а я поднимаюсь по лестнице и слышу музыку - прекрасную, неземную - такую, что сердце тает и хочется слушать ее вечно. Тут возникает мысль: «А почему мы так плохо живем?»»

О чем вещало это видение? Позже мы поняли, что оно означало.

Ему, как тонко воспринимающему красоту музыки, именно через этот образ дано было Духом Святым ощутить Небесную Красоту, куда вела белая мраморная лестница (образ духовного совершенствования, восхождения к Богу).

Позади него оставалось море (образ нашего грешного мира, переменчивого, беспокойного, волнующегося, часто переходящего в грозную бушующую стихию). Согласно образам видения Промысел Божий постепенно отдалял его от грешного мира, от привязанности к нему, от бездуховности и материалистичности.

Жизнь его начинала меняться. Он принял Святое Крещение, когда мы были уже женаты. Стали прихожанами Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, начали серьезно изучать Священное Писание, творения святых Отцов Церкви.

Помню, в самом начале наших духовных занятий, как-то вечером я читала толкование на Шестоднев Св. Василия Великого, а Ростислав в это время готовил отзыв на чью-то диссертацию. И тут я отвлекла его: «Послушай, что пишет Василий Великий: оказывается, свет произошел раньше светил».

Он прослушал отрывок и удивился:

- А когда этот ученый жил?

- В четвертом веке, - отвечаю.

- Интересно, физики только недавно доказали, что свет произошел раньше светил, а он об этом пишет уже тогда, как о достоверном факте.

- Да, так происходило сотворение Мира. Об этом говорит самый достоверный источник – Библия.

Так начиналось его вхождение в веру. Постепенно он поворачивался от мирского мирозерцания (спиной к морю) к духовному восприятию жизни.

Незадолго до кончины он увидел следующий сон-видение. И, уже плохо владея речью, все же рассказал мне: «Поднимаюсь по Высокой белой лестнице, а навстречу мне спускается Сам Христос и с Ним много-много (не смог договорить: «ангелов»).

Я осторожно стала спрашивать, «Не тот ли сон ты вспоминаешь, который раньше рассказывал мне?»

- Нет, это другой сон - продолжение того.

Здесь толкование понятно: оставались считанные дни его земной жизни. Для верующего человека такое видение – Христос идет навстречу – вселяет великую надежду и утешение, снимает страх смерти. А я говорила ему: «Спаситель любит тебя. Болями очищает тебя от мирских накипей – от всех грехов и страстей. Любит тебя Господь, ты это знаешь».

Он не боялся смерти, но нам обоим было тяжело расставаться друг с другом. Когда он почти уже не говорил, но очень хотел что-то сказать и даже пробовал писать, но не мог – тогда я попросила его: - Славонька, скажи хоть что-нибудь медленно и отдельно...

И услышала четкое и раздельное «Лю-блю». Теперь это «лю-блю» стучит в моем сердце каждые два удара.

Оставалось два дня до кончины...

Уже неделю он совершенно не владел речью. И вдруг глядя мне в глаза непередаваемым, серьезным взглядом, произнес четко и спокойно:

«Я умираю...» и повторил еще два раза: «Я умираю... Я умираю...»

Я онемела... Вместо того, чтобы обнять его и утешить: «Нет, не умираешь, а восходишь к Богу, Он любит тебя, и я люблю тебя. Мы с тобой не расстанемся». Но я не могла произнести ни слова...

Приближалась страшная развязка. Давление катастрофически падало, прибор уже не фиксировал его. Пульс посылал один слабенький толчок вместо десяти ударов. Истерзанный болями, он уже не мог реагировать на них. Наступала его последняя ночь - с 1 на 2 декабря 2011 года.

Я легла на краю дивана рядом с ним и начала нежно массировать его до предела исхудавшие руки от кисти к локтю. Тихо-тихо принимал, потом осторожно повернулся на правый бок, чтобы я помассировала спину, такую худенькую. Сердце сжалось в материнском сострадании. Приближался конец...

Глубокая ночь. С тревогой подумала: «Только бы не заснуть, но нет – я услышу...»

И не услышала...

Тревожный шепот разбудил меня:

- Не дышит, не дышит!

- Что-что!?!

Надо мной стояла Тая:

- Не дышит!

Слава лежал уже на спине с обращенным ко мне лицом. Я встрепенулась, как подстреленная птица. Поднимаю это худенькое дорогое тело, обнимаю. Теплый, мягкий, живой – и не дышит... Живой – и не живой! Господи! Как принять это запредельное, для ума и сердца непостижимое?

Семь часов утра, еще темно. Как же я пропустила его последний вздох и не простилась! Когда это произошло? Господи! Как я узнаю? Ушел, не потревожив меня, тихо-тихо. Простился, повернув свою дивную голову ко мне...

Но не оставил меня в неведении, когда это произошло. Моя помощница Гуля, спавшая на втором этаже, вдруг проснулась от его слов: «Я умер». Встревожилась, посмотрела на часы – 5.38. Прислушалась – на первом этаже тихо, не слышно стонов. Решив, что это ей приснилось, снова заснула. И видит: будто она тихо спускается по лестнице на первый этаж, да так легко, как на воздушной волне. Заглядывает в приоткрытую дверь славиного кабинета. Видит диван, на котором его уже нет. Но сам диван необычайно аккуратно застелен: без морщинки, без складки, красивым в золотых узорах покрывалом, и такая же подушка строго правильно лежит в изголовье. А от всего лежа вверх исходит дивное сияние — неопикуемой красоты.

В это же время в Новокузнецке сестра Славы срочно собирается в аэропорт, чтобы

вылететь в Москву. Внук сестры Андрей, юноша двадцати лет, которого любил Ростислав, в это же время видит сон: «Вошел Ростислав Сергеевич в голубой красивой рубашке (в такой рубашке он лежал в гробу), в хорошем настроении и говорит: «Вы уже не застанете меня в живых». Мистика? Да, мистика. Но она же — и высшая реальность.

Хоронили нашего дорогого Славу под высокими соснами на кладбище, вблизи нашего дома, всего в 20 минутах ходьбы через поле. Летом мы часто гуляли здесь, идя по тропинке между высоким разнотравьем, и каждый раз удивлялись: какое огромное небо над полем, а поле смотрится в него, как в зеркало.

День похорон пришелся на большой Православный Праздник «Введение Богородицы во Храм», а сороковой день (десятое января) – на Рождественские Святки. Верится, что душа его с праздничной радостью перешла в вожденный свой ДОМ.

Возвращение с кладбища было мучительно тягостным. Теперь он больше не будет здесь: ни во дворе, где мы посадили молодые сосны, ни в изящной беседке, которую мы сами сконструировали. Не откроет больше по-хозяйски ворота, не поставит машину на площадке и не крикнет мне «Светлана!», а я не побегу встречать его, не увижу чуть смущенный взгляд.

Он никогда больше не войдет в наш дом, не поднимется на второй этаж в свой уютный кабинет ученого.

Он остался там, за полем...

В первую ночь без него я устроилась на диване в той большой комнате, где все еще царила Тишина... Вдруг мгновение разорвало Тишину, и она наполнилась надмирной Красотой и Печалью.

«Я тебя никогда не увижу,

Я тебя никогда не забуду...».

рыдал необычайно красивый тоскующий голос.

Меня мгновенно выбросило из действительности и перенесло в неведомые, неземные дали, где над спящим миром встретились наши души и поверяли друг другу тайну нашего нерушимого единства.

«Я тебя никогда не увижу,

Я тебя никогда не забуду...».

Нежную грусть разлуки доносил живой страдающий голос, преодолевший мировое пространство, и утешал: «Мы с тобой неразрывно соединены любовью. Мы с тобой встретимся в Вечности и будем всегда вместе».

Восприятие этих слов и мелодии (из известной рок-оперы), как бы талантливо они ни исполнялись известными актерами в міру – это кардинально не то, что посетило меня в ту надмірную ночь. Как цветущую душистую розу нельзя сравнить с ее тенью на земле – так же духовное ощущение несравнимо с земным. Все земное – всего лишь тень духовного Мира. Это был голос с Неба, голос его души.

Вот уже и лето на исходе... без тебя, Слава мой, Славонька. Наше поле осиротело. Мы уже не пойдем с тобой гулять по нему, не подойдем к озеру, не полюбуемся ярким

Светлана Мороз «Песнь о неумирающей любви»

Автор: Administrator

07.04.2013 16:58 - Обновлено 07.04.2013 18:04

закатом. Теперь я хожу без тебя, но чувствую тебя близко и слышу в тишине сердца.

Часто занимаясь чем-то по дому, вдруг ловлю себя на мысли: должен уже скоро подъехать — и словно просыпаюсь. Знаю, ты уже не вернешься на своем стареньком «фольксвагене» (его уже тоже нет), не посигналишь, не позовешь, а я не побегу встречать тебя... И ты не подойдешь к беседке, где я пишу эти строки и плачу...

Живая память — это чувство нереальности времени, потому сердце в своей сокровенной глубине ждет тебя.

И вот в мгновенном сне-видении вижу: легкой походкой, не приминая травы, чуть наклонившись вперед, направляешься ко мне, мой дорогой Слава, с охапкой полевых цветов. Проснулась с радостным ощущением реальной встречи.

Иногда из безмерной глубины Пространства долетит твой голос «Светлана!» - и Тишина снова сомкнется над ним.

А мне все видится, как наяву: мчимся мы с тобой на машине, словно по небу, на крыльях любви и песни.

Слава Богу за все!

Свою «Песнь о неумирающей любви» хочу увенчать словами:

Снился мне сад в подвенечном уборе,

В этом саду мы с тобою вдвоем:

Светлана Мороз «Песнь о неумирающей любви»

Автор: Administrator

07.04.2013 16:58 - Обновлено 07.04.2013 18:04

Звезды на небе, звезды на море,

Звезды и в сердце моем.

Дитерикс

С пожеланием настоящей звездной любви всем моим читателям.

Светлана Мороз

Голицыно, Московская область. Август 2012 г.